

Барбара Мертиц

КРАСНАЯ ЗЕМЛЯ, ЧЕРНАЯ ЗЕМЛЯ

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ:
ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ

Ц Е Н Т Р П О Л И Г Р А Ф

Барбара Мертц

**Красная земля, Черная земля.
Древний Египет: легенды и факты**

«Центрполиграф»

Мертц Б.

Красная земля, Черная земля. Древний Египет: легенды и факты /
Б. Мертц — «Центрполиграф»,

В книге известной американской исследовательницы Барбары Мертц развенчиваются некоторые легенды Древнего Египта, но реальные факты оказываются гораздо интереснее вымысла. Вы узнаете все о жизни древних египтян, их философии, науках, отношении к жизни и смерти, о памятниках культуры, архитектуры и письменности. Живой и яркий язык повествования окунет вас в глубины древнейшего очага цивилизации и даст почувствовать загадочную атмосферу далекого прошлого.

Содержание

Предисловие	5
Исторический обзор	9
Часть первая	11
Глава 1	12
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Барбара Мертц

Красная земля, Черная земля.

Древний Египет: легенды и факты

Посвящается моей матери и моему отцу

Предисловие

Эта книга посвящена не культуре Древнего Египта, она – о древних египтянах. Ее можно было даже назвать «Как бы ты жил, если бы был древним египтянином», поскольку, внимательно изучая эту книгу, читатель может освоить искусство изготовления папирусов, узнать технику строительства пирамид, научиться одеваться, есть и накрывать стол так, как это делали египтяне. Предмет нашего исследования – люди Древнего Египта, редкие имена которых сохранила для нас история. Но хотя от большинства египтян не осталось даже имени, я приняла попытку представить их живыми людьми – а не объектом обезличивающей статистики и не лишенным каких-либо человеческих качеств «народонаселением», столь часто фигурирующим в академических трудах по египетской литературе. В этой книге читатель не найдет ни одной главы, посвященной египетской литературе, – хотя ему и будет рассказано о многих литературных работах. Не обнаружит он и главы об архитектуре – хотя ему и встретится немало описаний зданий, храмов и гробниц. Однако в книге есть очень большая глава о египетской религии. Глава о нарядах почти столь же длинна, хотя в ней речь идет о куда менее важном предмете, чем теология. Однако я подозреваю, что состоятельная египетская дама, как и ее далекие потомки в других столетиях, порой тратили на размышления об одежде не меньше времени, чем на мысли о боге.

В другой своей книге я принесла извинения читателям, которые могли счесть мое описание жизни в Древнем Египте чересчур легковесным и даже вольным – но, должна заметить, я не считаю, что должна извиняться. Представление о египетской цивилизации как о чем-то очень благородном и аскетически суровом совершенно неверно. Такое представление создают огромные храмы, вызывающие суеверный страх мумии, обвалившиеся и разрушенные гробницы.

Однако были времена, когда храмы сияли золотом и радовали глаз красками; мумии были живыми мужчинами, женщинами и детьми, которым жизнь доставляла столько радости, что они хотели сделать ее вечной; гробницы являлись «домами вечности», заполненными «всеми хорошими и простыми вещами» для того, чтобы их обитатель мог с удовольствием пользоваться ими и в той жизни, что длится вечно. Мы ничем не оскорбим египтян и несколько не исказим их взгляды, если упомянем в книге, что они сочиняли о своих богах непристойные истории, мертвецки напивались, писали стихи своим возлюбленным и строго выговаривали своим напроказившим детям. Если мы немного посмеемся над ними, это несколько им не повредит. А нам поможет – если мы поймем, что смеемся над самими собой.

Я хотела бы выразить свою признательность моим помощникам; прежде всего я хотела бы поблагодарить две группы египетских художников, выполнивших большую часть иллюстраций этой книги, – а также группу археологов, философов и историков, которые оказали большое влияние на мое понимание Древнего Египта. Работа на подобную тему неизбежно требует знаний из самых разных областей; получением этих знаний мы обязаны самоотверженному труду сотен ученых. Я упомянула в тексте этой книги многие из их имен, но просто невозможно

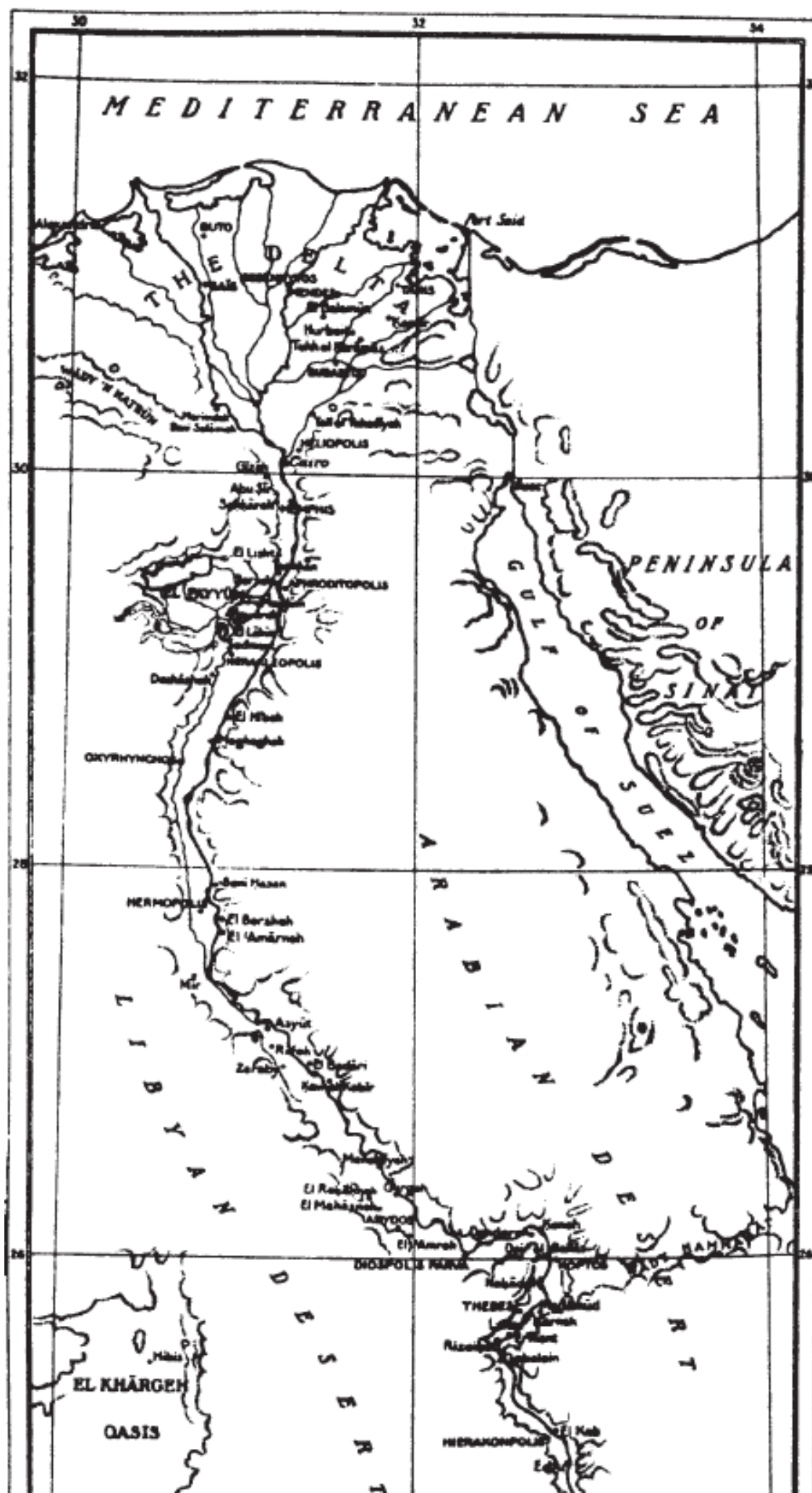
упомянуть их все, а моя признательность этим людям – англичанам, итальянцам, французам, немцам и американцам – просто не знает границ.

Особенную признательность я хотела бы выразить консультировавшим меня по поводу некоторых специальных антропологических проблем профессорам Солу Тэксу и Карлетону Куну; профессору Уолтеру Б. Эмери, дававшему мне разъяснения по истории Древнего Востока и предоставившему собственные фотографии; профессору Отто Нойгебауэру, дававшему ответы на мои вопросы о математике в Древнем Египте. Нет нужды говорить, что эти джентльмены не несут никакой ответственности за ту интерпретацию фактов, что дается на страницах моей книги. Они делали все, что было в их силах, чтобы меня просветить, и если это им не удалось, то виновата в этом только я одна.

Я также благодарна руководству Американской академии Немецкого археологического института в Риме за разрешение пользоваться их библиотекой. Различные музеи любезно предоставили мне фотографии из их собраний. Я хотела бы выразить свою признательность еще очень многим – но особенно горячую благодарность я хочу адресовать г-ну А.Ф. Шору из египетского отдела Британского музея – за то время, что он потратил, подбирая подходящие для данной книги фотографии.

Выражение признательности было бы неполным без упоминания вклада, сделанного моим мужем и моими детьми. Без их терпения и сотрудничества эта книга никогда бы не была написана.

Барбара Мертц

Карта Египта и Нубии до второго порога
Из «Скипетра Египта» У.С. Хэйса

Исторический обзор

С неизвестного времени до 3200 до н. э. – додинастический период

3200–2620 до н. э. Архаический, протодинастический или ранний династический период. Династии I–III

Объединение двух додинастических царств Менесом. Джосер, Имхотеп и «Ступенчатая пирамида».

2620–2280. Древнее царство. Династии IV–VI

Первый расцвет египетской культуры (искусство, архитектура, технология и теоретическая мысль). Появление художественных канонов. Большая пирамида. Тексты пирамид. Централизация государства при Четвертой династии и распад государства в конце Шестой династии.

2280–2134. Первый промежуточный период. Династии VII–X

Политический переворот, распад централизованного государства. В литературе идет поиск эстетических ценностей. Девятая, Десятая династии с правителями в Гераклеополе контролируют большие территории, но с ростом влияния Фив входят с ними в конфликт.

2134–1786. Среднее царство. Династии XI–XII

Одиннадцатая династия с правителями из Фив вновь объединяет Египет. Храм Ментухотепа в Дейр-эль-Бахри. Правители из Двенадцатой династии – Аменемхеты и Сенусерты – переносят столицу в Файюм. Завоевание Нубии, большие работы по ирригации, контакты с Азией.

1786–1575. Второй промежуточный период. Династии XIII–XVII

Политический коллапс, раздробление государства. Несколько династий существует одновременно; это сопровождается вторжением гиксосов из Азии, которые устанавливают контроль над большей частью Египта. Освоение новых видов оружия, в том числе – боевой колесницы. Семнадцатая династия, с правителями из Фив, при фараонах Секененра и Камесе начинает изгонять гиксосов.

1575–1087. Новое царство, империя. Династии XVIII–XX

Яхмес завершает разгром гиксосов. Тутмосы и Аменхотепы завоевывают земли в Азии. Узурпация трона царицей Хатшепсут и триумф ее племянника Тутмоса III. Возвышение Амона, религиозная революция Эхнатона. Тутанхамон. Падение династии с потерей азиатских владений.

Сети и Рамсесы из Девятнадцатой династии возвращают часть азиатских владений. Большие строительные работы в Абидосе, Фивах, Абу-Симбеле и т. д. Перенос столицы на север. Первое вторжение «народов моря». Конец династии на царице Таусерт, недолговечные слабые правители.

Рамсес III из Двадцатой династии отражает вторжение «народов моря», разворачивает большое строительство. Правление слабых потомков Рамсеса завершается переходом к власти к Херихору, военачальнику, первосвященнику Амона в Фивах.

1087–332. Поздний период. Династии XXI–XXX

Двоевластие во время Двадцать первой династии: один царь – первосвященник Амона в Фивах, другой – Таниса в Дельте. Ливийские владыки основывают Двадцать первую династию, нубийские – Двадцать пятую. Шешонк из нубийской династии ведет сражения в Азии, его наследники уступают Египет ассирийцам. Во время Двадцать шестой – или Саисской – династии египетские владыки восстанавливают кое-что из былой славы; временное объединение страны, расцвет искусства. Персидское завоевание в 525 г. до н. э. Чередующиеся периоды свободы под властью местных царей и господства персов.

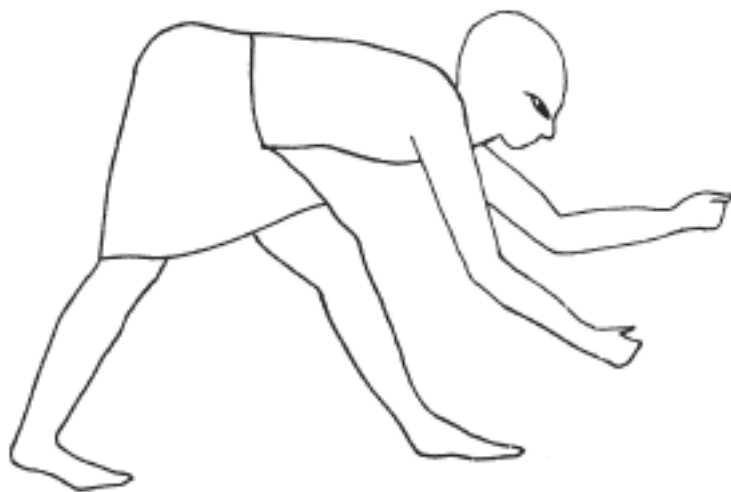
332—30. Птолемеи

Завоевание Александром Македонским в 332 г. до н. э. лишает Египет независимости навсегда. Наследники Александра, потомки его полководца Птолемея, являются греками по происхождению, но стремятся сохранить египетский стиль правления. Клеопатра, Антоний, Цезарь завершают этот период.

30 до н. э. – 364 н. э. Римский период

При Августе Египет становится римской провинцией. Около 200 г. н. э. в Египет проникает христианство. В 230–350 гг. распространяется коптский язык. Примерно к 270 г. н. э. относится первое упоминание о святом Августине, первом знаменитом отшельнике. Христианство становится официальной религией Египта – до арабского завоевания в 640 г. н. э.

Часть первая МИР ЖИВЫХ

Глава 1

Народ двух земель

Везир

Она может уплыть – та, что вступает во тьму.
Она входит крадучись.
Нос у нее позади – лицо повернула назад.
Неудача ей в том, зачем она пришла!

Ты пришла поцеловать этого ребенка?
Я не дам тебе его поцеловать!

Ты пришла изувечить его?
Я не позволю тебе изувечить его!

Ты пришла забрать его?
Я не позволю отобрать его у меня!

Стоя на коленях на голом земляном полу, женщина напевала чуть слышно, чтобы не разбудить спящего у нее на руках малыша. Единственная комната хижины была погружена во мрак, только один уголок освещали тлеющие в жаровне угли. Вспыхнувшее внезапно пламя на миг осветило согнутую фигурку, длинные, черные как смоль волосы женщины и обращенные к двери темные глаза. Эти глаза были одновременно полны и страха и вызова. Хижина изнутри закрыта на засов, но женщина чувствовала, как тьма давит на дверь. Из этой тьмы та, что «лицо повернула назад», может ворваться в комнату и украсть дыхание у спящего ребенка.

Я вижу эту картину, читая строки песни, записанные несколько тысяч лет назад на древнеегипетском языке. Ночная ведьма, о которой пела женщина, – самый страшный персонаж в фольклоре любого народа – с головой, которая свободно вращается на шее, существо бесформенное, на что указывает слово «уплыть». Подобно древней шотландской молитве против призраков, вурдалаков и демонов, поражающих в ночи, слова египетской песни заключают в себе намек на дьявольскую опасность, тем более ужасающую, что она не имеет внешнего облика.

Есть и еще одна схожая черта у шотландской молитвы и египетской песни. В наши дни мы эту молитву вспоминаем, когда хотим пошутить, изобразить мнимый страх; произнося слова, мы оглядываемся через плечо в притворном испуге, а потом смеемся, однако в прошлом эта молитва, как и египетская песня, вовсе не вызывала смех. Создатель молитвы отнюдь не упражнялся в стихосложении; молитва была заклинанием против сил зла. И в шотландской молитве, и в древнеегипетской песне сначала идет описание угрозы, а далее следует заклинание. В египетской песне защита принимала форму усиленного отрицания: «Я не дам тебе его поцеловать!.. Я не позволю тебе изувечить его!» – и сопровождалась перечнем магических растений, который я не привела. В шотландской молитве призыв к охранительным силам короче: «Боже, защити нас!»

Я не буду проводить сравнение дальше, это не имеет особого значения – я хотела лишь показать, что во все времена и во всех странах люди испытывали и испытывают страх перед темнотой и тем, что может из нее явиться. Египетская песня трогает тем, что она создана в защиту ребенка. Любой человек более всего уязвим перед Судьбой именно беззащитностью своих детей. Беспомощен младенец, когда он нагим и кричащим приходит в наш мир, во многом ему враждебный. Наша книга посвящена повседневному существованию древних египтян, и разумнее всего начать повествование именно с начала жизни – то есть с момента рождения. Мы произнесли необходимое заклинание и теперь перейдем к появлению нашего вымышленного героя на свет.

1. ДЕТОРОЖДЕНИЕ

Когда-то давным-давно жила в Египте женщина, которая привлекла внимание не кого-либо иного, а великого бога солнца Ра. Возможно, это внимание было вызвано не столько чарами самой женщины, сколько желанием Ра иметь потомка, которому он мог бы доверить трон правителя египетских земель. Эта женщина была женой скромного жреца бога Ра по имени Раусер. Ее же звали Редджетет, и вот:

«Однажды Редджетет почувствовала родовые схватки, и муки ее были сильны. И потому великий Ра сказал Исиде, Нефтиде, Месхенет, Хекет и Хнуму: «Идите и освободите Редджетет от тех трех детей, что находятся в ее утробе и что будут править по всей земле».

Знающий историю Древнего Египта читатель сразу узнает в Исиде и Нефтиде двух великих богинь египетского пантеона; первая была женой, а вторая – сестрой Осириса. Месхенет тоже была богиней, она покровительствовала деторождению – что было для этого случая очень кстати. Хнум, единственный среди упомянутых бог-мужчина, также имел отношение к деторождению. Хнум был гончаром, он лепил из глины тела рождающихся младенцев на своем божественном гончарном круге. Хекет же каждое утро помогала рождению солнечного бога, так что вполне понятно, почему при появлении на свет детей бога солнца Хекет поручили принимать роды.

Богини переоделись в наряды танцовщиц, а гордому Хнуму пришлось преобразиться в их носильщика. Приняв таким образом облик земных людей, все пятеро направились в дом жреца. Будущего отца они застали в смятенном состоянии духа, о чем достаточно красноречиво повествует египетский автор: Раусер сидел неподвижно, его одежда была в беспорядке. Дальнейшее вызвало у меня глубочайшую симпатию к этому жрецу. Хотя Раусер отчаянно

тревожился за судьбу своей жены, он нашел в себе силы вежливо побеседовать со странствующими танцовщицами: «Как видите, госпожи мои, хозяйка дома рождает, и роды у нее тяжелые».

Танцовщицы взялись за дело. «Позвольте взглянуть на нее. Мы знаем, как облегчить роды».

Будущий отец не мог отказаться от их предложения – вззирающий на все это из своей золотой ладьи Ра не допустил бы этого. Однако нам думается, что Раусер согласился по своей воле. В те времена еще не было профессиональных акушеров. В примитивных сообществах, в том числе и в средневековой Европе, роженице, вероятно, помогала другая женщина из того же дома или из той же деревни. Только в случае, если роды были трудными, на помощь призывали местную знахарку. Поэтому даже танцовщица могла утверждать, что мастерски принимает роды, так что согласие мужа вполне объяснимо. В том состоянии, в каком он находился, он принял бы помощь от кого угодно. Так или иначе, но жрец дал пятерым гостям свое разрешение, и они закрылись с роженицей в доме. «Тогда Исида встала перед ней, Нефтида – сзади от нее, а Хекет помогала при рождении». Могут спросить, как она помогала – массажем или магией? Возможно и то и другое, возможно также, что главным в этой помощи были слова Исиды, обращенные к стремящемуся выйти ребенку: «Не будь чересчур *силен* в ее чреве, хотя твое имя и Усер-каф». Слово «силен» на древнеегипетском языке звучало как «усер», так что слова Исиды содержали связанную с именем ребенка игру слов. В наше время игра слов (каламбур) считается самой примитивной формой юмора – но в тех древних культурах, где слова и обозначаемая ими вещь магически связаны и как бы имеют одинаковую силу, игре слов приписывалось магическое действие. И потому речь Исиды превратилась в повеление, которое исполнилось бы, даже если оно было бы произнесено не богиней.

«Тогда этот ребенок выскользнул ей на руки». Ребенок имел весьма впечатляющий вид: его тело было украшено золотом, а волосы имели цвет лазурита. Рождение царей обычно сопровождалось чудесами и предзнаменованиями, но, возможно, что столь невероятные черты внешности – просто фигуральное выражение: можно и в нашей литературе встретить «жемчужные зубы» или «рубиновые губы». Любящий взгляд матери вполне мог принять смугло-золотистое тельце за отсвечивающее золотом. Лазурит – темно-синий камень; ребенок, по всей видимости, имел темные волосы.

Богиня омыла ребенка, обрезала пуповину и положила новорожденного «на ящик из кирпичей». После этого Месхенет, которая вела себя на удивление безучастно, несмотря на то что в деторождении была главным знатоком, благословила ребенка, а Хнум «дал здоровье его телу». Та же самая процедура была проделана и со вторым, и с третьим ребенком – включая очень важное повеление-каламбур.

Выполнив свою задачу, богини – все еще в облачении танцовщиц – покинули «родильные покои» и увидели, что Раусер все еще продолжает сидеть перед дверью. «Да возрадуется твое сердце, Раусер, – ободрили они жреца, – у тебя родилось трое детей». Он ответил: «Что я могу для вас сделать, женщины? Пусть этот мешок с зерном возьмет ваш носильщик. Примите зерно как плату и прикажите приготовить из него пиво».

Эта история – часть долгой и замысловатой легенды – есть самое подробное из дошедших до наших дней описаний родов в Древнем Египте. Остальные источники содержат очень мало ясных сведений, однако, суммируя их, мы все же можем получить представление о том, как производила на свет ребенка древнеегипетская мать. Она сидела или лежала на сделанном из кирпичей сиденье. Поскольку такие «акушерские кресла» до наших дней не дошли, можно предположить, что их сооружали лишь по мере надобности и разбирали после использования. Надписи говорят, что роженица находилась «на кирпичях». Из иероглифов мы можем сделать вывод, что положение, в котором проходили роды, напоминает то, в котором роды происходят и в наши дни – знак для обозначения роженицы представляет собой изображение сидящей с поднятыми ногами женщины. Иероглиф «рожать» – рисунок женщины с округлым животом,

стоящей на коленях; ниже ее тела видны ручки и головка ребенка. В нашем распоряжении имеется и несколько довольно натуралистических (с эстетической точки зрения) маленьких статуэток, изображающих процесс рождения практически так же, как и иероглиф. Наряду со статуэткой роженицы сохранились фигурки поддерживающих ее спереди и сзади женщин, а также стоящей перед ней восприемницы, готовой взять ребенка на руки.

И это – практически все, что нам осталось. Один из потенциальных источников информации по этому предмету – медицинские папирусы, – хоть и содержат кое-какие сведения по гинекологии, ни слова не говорят о родах и технике акушерства.

Кажется поразительным, что древние египтяне, сообщив нам множество подробностей о своей жизни – вплоть до самого смертного часа, оставили так мало сведений об этих двух весьма важных предметах. Впрочем, кажущееся обилие материалов на самом деле иллюзорно – их много только по сравнению с тем, что сохранилось от других догреческих культур. Только вдумайтесь в такой факт: любой египтолог вполне способен, занимаясь исследованиями, изучить все до единого документы в своей области, все первоисточники – и при этом у него еще останется время изучить труды других египтологов и написать один-два собственных труда. Исследующий же историю своей страны ученый не в состоянии сделать что-либо подобное даже при изучении периода в тридцать лет – не то что в три тысячи. Он не сможет даже ознакомиться со всеми первоисточниками: повестями и рассказами как известных писателей, так и второстепенных, с посмертными завещаниями, с отчетами с заседаний судов, с юридическими документами, личными и деловыми письмами, с текстами договоров и со сводами законов, с научными трактатами и так далее.

Я пишу об этом не из тайного злорадства по отношению к египтологам, чьи источники столь скудны, а только для того, чтобы выразить сожаление. Книги о Древнем Египте часто вводят читателя в заблуждение, выдавая гипотезы за установленные факты и высказывая предположения столь уверенно, будто они уже доказаны. А между тем предлагаемые гипотезы часто отнюдь не бесспорны – поскольку документов, которые могли бы восстановить истинную картину во всех подробностях, просто не существует. Именно по этой причине в книгах, которым можно доверять, так много оговорок: «возможно», «по всей видимости», «вероятно». Из чисто стилистических соображений ученые избегают писать «может быть», но этими словами можно предварить добрую половину текста любой книги по Древнему Египту, включая и эту.

Сейчас мы не в состоянии уверенно сказать, имеют ли под собой основание легенды о некоей «утраченной науке» об оккультных силах – до нас не дошло ни одного документа об этом. Мы даже не знаем, существовали вообще подобные трактаты или же они за четыре тысячи лет просто не сохранились. Египетская культура была письменной, но она не анализировала самое себя, и не существует общих обзоров. Египтяне были занятым народом: им приходилось засеивать поля, убирать урожай, прокладывая ирригационные каналы; приходилось строить пирамиды, сражаться в битвах, снабжать всем, по их мнению, необходимым гробницы. Египтяне записывали только то, что считали необходимым для себя, а не то, что представляло бы интерес для людей в далеком будущем. Нет ничего удивительного, что мы знаем о деторождении в Древнем Египте столь мало; удивительно, что в наше время мы все же располагаем тем количеством сведений, что у нас имеются.

2. НАРОД В ИСКУССТВЕ

Итак, маленький египтянин появился в нашем мире. Его привычки, верования, манеры мы опишем на последующих страницах. Сейчас же мы ограничимся только одним вопросом – каким был внешний вид этого ребенка?

Но прежде чем описывать египтян такими, какими они нам кажутся, интересно было бы взглянуть на них их собственными глазами. Как они желали бы выглядеть? Каков был их физический идеал?

Представление об этом могут дать картины и скульптуры. Поражает то, что на протяжении столетий египтянами изображаются одни и те же физические типы – приблизительно с трехтысячного года до нашей эры (с возможным отклонением в несколько столетий в ту или другую сторону) вплоть до первого столетия нашей эры. Дамы стройные и столь тоненькие, что в профиль их тела от талии до колена выглядят почти плоскими. Округлые бедра явно не вызывали восхищения; другое дело – хоть и небольшая, но хорошо сформированная грудь. Некоторые мумии старых женщин, лишенных преклонным возрастом своих природных украшений, набивали воском или опилками в грудном отделе, чтобы создать необходимые выпуклости. У одной мумии, описанной Эллиотом Смитом в его классической книге о мумификации, тело престарелой дамы имело совершенно новое очертание, приданное ему при помощи бинтов и смолы в технике, напоминающей папье-маше. Груды были вышпелены великолепно, их венчали медные наконечники. Эта мумия изготовлена просто уникально; восхищенный Смит утверждает, что она напоминает изысканную статую Венеры.

Внешний вид мужчин – от царей до простолюдинов – соответствует и нашему представлению о совершенстве тела: широкие плечи, плоский живот, узкие бедра. Ясно, что те, кто заказывал свою статую скульптору или свое изображение на стенах гробницы художнику, желали видеть свои тела именно такими.

Однако из этого правила было несколько исключений. Большинство из них широко известно, их, безусловно, знает каждый египтолог – именно потому, что они исключительны: старый слепой арфист с покрытым морщинами лицом и опущенными плечами; усталый пастух с обтянутыми кожей ребрами; карлик, гордо восседающий рядом со своей имеющей нормальный рост супругой. Некоторые из этих произведений в самом деле исключительны – тем, что представляют собой выдающиеся образцы художественного мастерства.

Мне особенно по сердцу скульптура, которую мы сейчас называем «Шейх аль-Белед», что означает «староста деревни». Это прозвание имеет собственную, очень любопытную историю.

Статуя была найдена Огюстом Мариетом, одним из крупнейших французских египтологов XIX столетия. Для меня имена Мариета и Масперо неразрывно связаны, словно бекон и яичница: Масперо был основателем Египетской службы древностей, и именно он установил правила, которые дали возможность сохранить большую часть сокровищ Древнего Египта для современных египтян. Мариет был его преемником – как на посту, так и в преданности своему делу. По долгу службы Мариет осуществлял наблюдение за всеми происходящими в Египте археологическими работами, однако иногда он производил и собственные раскопки. Однажды утром его рабочие в страхе разбежались, когда из-под земли показались голова и плечи какой-то статуи. Статую очистили, подняли на поверхность, и дюжина арабских глоток выдохнула в один голос: «Шейх аль-Белед!»

Любой посетитель Каирского музея – его коллекция была создана именно Масперо и Мариетом, – подойдя к этой статуе, легко может понять, почему статуя напомнила рабочим старосту их деревни. Даже мне эта фигура кого-то напоминает. Деревянная статуя в рост человека тщательно пригнана в соединениях. Она изображает мужчину средних лет, довольно дородного, с круглым лицом, в выражении которого объединились добродушие и твердость характера. Человек стоит в обычной для египетских скульптур позе – одна нога выставлена на шаг вперед. Одна рука свободно опущена, другая согнута и сжимает длинный посох, который придает фигуре особую значительность. Изображенный человек определенно был облечен властью и принадлежал к знатному роду. Его лицо удивительно живо; кажется, что он смотрит на зрителя, но не с обычным слепым выражением статуй, а со спокойным интересом. Выразительность взгляду придало мастерство скульптора. Глазницы обведены медными полосками,

а глазные яблоки состоят из кусочков непрозрачного кварца, изображающего белки, горного хрусталя в качестве радужной оболочки и черной смолы на месте зрачков. Статуе предположительно четыре тысячи лет. Она сохранилась благодаря чуду сухого египетского климата. Этот «шейх», чье настоящее имя было Ка-апер, куда шире в талии, чем в плечах; он определенно не может считаться образцом мужской красоты, что не относится к большинству других статуй. Как я говорила, он является исключением, но даже при этом «шейх» красив на свой лад. Он полноват, но не толст. Смотреть на него приятно. Собственно, и прочие исключения, подобные Ка-аперу, тоже нельзя назвать отталкивающими. Я не знаю ни горбунов, ни калек, ни отвратительно толстых старух (знаменитая царица Пунта с ее кошмарной фигурой не была египтянкой; варвары не удостаивались таких почестей, как жители великой египетской земли). Создается впечатление, что никто в Египте не имел ни бородавок на носу, ни сколиоза, ни кривых зубов.

Царица Пунта

С изображения в погребальном храме Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри

Ученые, исследовавшие египетское искусство, объяснили причину подобного постоянства художественных канонов. Оно основывалось на массовом сознании египтян, обращенном ко всей вселенной, а также самим предназначением искусства, которое выполняло в большей мере магические, нежели эстетические функции. Об этом мы еще поговорим позже. Однако я не без веселого ехидства подозреваю, что какой-нибудь египетский купец приходил в мастерскую скульптора не только с целью иметь свое точное посмертное изображение. Зачем оставлять навечно двойной подбородок и основательный животик, если ваятель вполне способен создать посмертный образ, подобный Аполлону?

Разумеется, нам не следует воспринимать изображения египтян как буквально точные. Не существовало в любые времена народа без увечных и уродов – и даже просто некрасивых людей. И тем не менее некоторые египтологи, ребята доверчивые, принимают любое изображение за истинное.

3. ПРОБЛЕМА С ЦАРИЦЕЙ ТИ

История человечества вовсе не набор твердо установленных фактов; она, по сути, свод мнений и теорий, порой имеющих серьезное обоснование, а порой представляющих собой

лишь более или менее вероятные домыслы. Если пишущий книгу историк не ограничивает себя определенным промежутком времени, он не сможет объяснить все свидетельства, правильно оценить все факты и дать все возможные объяснения каждому из обсуждаемых вопросов. Обычно этих вопросов так много, а свидетельства столь немногочисленны и скупы! Тем не менее из этих скудных свидетельств исследователи пытаются воссоздать подлинную картину – и порой наблюдать за этим весьма интересно.

Мы уже сделали одну подобную попытку, пытаясь представить себе внешний облик древних египтян. Но этот вопрос не принадлежит к числу важнейших с точки зрения истории человеческой культуры; нельзя его назвать и очень сложным. Либо вы знаете, как люди выглядели, либо нет. Либо в вашем распоряжении есть мумии и скелеты, либо их нет. Либо эти люди рисовали собственные изображения, либо нет.

Нарисованные египтянами изображения помогают представить людей Древнего Египта. Но все же эти свидетельства не относятся к числу самых надежных. Наиболее объективными и убедительными свидетельствами следует считать скелеты, по ним можно определить рост, комплекцию, пол и возраст. Мумия представляет нам еще больше данных – цвет и структуру волос, цвет кожи, вес тела. Однако даже эти факты можно трактовать по-разному. Почитайте отчет о научной дискуссии по поводу предполагаемого скелета Эхнатона – и у вас возникнет сомнение, об одном ли и том же скелете ведут речь ученые мужи.

Что касается свидетельств в виде изображений и статуй, то они часто крайне субъективны. Египтяне не стремились изобразить истинный облик. Тем не менее археологи – часто весьма хорошие – нередко ошибочно обсуждают египтян не такими, какими они были в реальности, а какими они предстают в статуях и рисованных изображениях. Недавно я была просто потрясена двумя посвященными Древнему Египту популярными книгами, в которых речь идет о царице Ти – простолюдинке, ставшей женой царя и матерью еретика Эхнатона. В одной книге она описана как голубоглазая и светловолосая, в другой – как негритянка.

Строго говоря, особой роли не играет, была ли царица Ти блондинкой, брюнеткой или кожу ее покрывал узор в пурпурный горошек, но все же подобные разночтения весьма неприятны. Авторы изображали Ти, не руководствуясь полетом собственной фантазии, а на основании трудов профессиональных египтологов. Как же они могли так разойтись в описаниях?

Ответ очевиден: ученые мужи делали свои выводы на основе сохранившихся изображений. Начнем со светловолосых цариц Египта. Насколько я знаю, в Египте никогда не было светловолосых цариц. Знаменитая дама из Четвертой династии, которую считали светловолосой или рыжеволосой, просто изображалась с желтым платком на голове. Больше подобных описаний в египетской истории не встречается.

Скорее всего, легенда о светловолосой царице родилась как версия. Красивые теории нередко довольно живучи. Большинство же египтологов считает, что царица Ти происходила из Нубии. Это значит, что голубых глаз у нее быть не могло. Думаю, я даже знаю причину возникновения версии о происхождении царицы – эта причина проста и довольно любопытна.

В Берлинском музее находится знаменитая голова, которую считают скульптурным портретом царицы Ти. Это замечательное произведение искусства, превосходный «портрет», который передает не только внешний облик, но и черты характера. Тот человек, которого изобразил скульптор, не относится к числу людей, с которыми вы захотели бы жить постоянно; не захотели бы вы, чтобы он оказался и среди ваших врагов. Возможно, это впечатление несправедливо по отношению к давно скончавшейся царице, но от навеваемых скульптурой чувств тоже нельзя отмахнуться. Из-за того, что портрет выполнен мастерски и остается в памяти, впечатление от него сильное и долгое. Голова царицы вырезана из черного дерева.

Наверное, не вполне справедливо обвинять египтологов в том, что они сочли Ти прибывшей из Нубии только на том основании, что величественное, властное лицо скульптуры имеет черную поверхность, но я не могу избавиться от этого подозрения. Естественно, ни один из

ученых мужей, делавших подобное заявление, не признается, что именно данное обстоятельство оказало влияние на его мнение. Не согласится он и на то, что черный цвет подтолкнул его к этому заключению на подсознательном уровне. Он наверняка начнет с видом знатока рассуждать о негроидных чертах в изображениях Ти, о видном положении нубийцев в дворцовой иерархии той поры, о популярности нубийских причесок. Последний аргумент вообще не имеет отношения к делу, даже если он и верен; что же касается негроидных черт головы в Берлинском музее, то это весьма субъективное мнение. Антропологи – специалисты по физическому облику – не обнаруживают черт, характеризующих негроидную расу. В довершение ко всему до нас дошли данные о родителях Ти – объективные и бесспорные. У нас нет мумии царицы, но мы располагаем мумиями обоих ее родителей – Йуйи и Туи, найденными Теодором Дэвисом в 1905 году.

Теодор Дэвис был американским миллионером, путешественником и исследователем, фанатически увлеченным Древним Египтом. Подобно Карнарвону, но на двадцать лет позже, он отправлялся на раскопки в зимнее время, когда климат в Египте сравнительно мягок. Дэвис заключил соглашение с правительством Египта, согласно которому получил право на исследования в Долине Царей. Без его личного разрешения никто не имел права вести там раскопки. Дэвис финансировал все работы, но найденное им становилось собственностью египетского правительства.

Человеку, не одержимому страстью к египтологии, подобное соглашение покажется выгодным лишь одной стороне. Дэвис охотно это признавал – однако любой человек, испытывавший азарт археологических исследований, счел бы, что разрешение правительства Египта было выгоднее именно для Дэвиса. Хотя американец и собрал великолепную коллекцию, уже сам азарт поисков и радость от находок с лихвой окупили все его затраты.

Дэвис, которого даже его друзья называли «грубоватым и эксцентричным», был невероятно удачлив. Конечно, следует помнить, что он занимался раскопками в то время, когда Долина Царей не была еще основательно перекопана, но, даже учитывая это, нельзя не назвать некоторые его находки просто поразительными. Он обнаружил гробницы, принадлежавшие Тутмосу IV, Хатшепсут, Сиптаху (из Двадцатой династии), а также и тайник, содержащий до сих пор вызывающую споры мумию, которую последовательно относили к царице Ти, Эхнатону и Сменхкара. Да, Дэвис имел весьма нелегкий характер, но для египтологов его труд просто неоценим. Исследования велись не только благодаря его деньгам, людьми двигал горячий энтузиазм американца. После смерти Дэвиса его коллекция перешла в музей «Метрополитен», где с ней может ознакомиться широкая публика.

В феврале 1905 года исследовательская группа Дэвиса работала на участке между гробницами Рамсеса III и Рамсеса XI, недалеко от того места, где двадцатью годами позже будут обнаружены сказочные богатства Тутанхамона – другим миллионером-любителем, бывшим помощником Дэвиса Говардом Картером. Дэвис не предполагал, что в этом районе можно найти царскую гробницу, – места было слишком мало. Но про Долину Царей ничего нельзя сказать наверняка.

5 февраля рабочие Дэвиса обнаружили верхнюю ступеньку гробницы. Дэвис послал за Вейгаллом, инспектором древностей Верхнего Египта; примерно через неделю была рассчитана вся лестница, и перед исследователями открылась верхняя часть прохода в гробницу. Здесь восторг исследователей поулег, поскольку печати на двери были сломаны. Кто-то – без сомнения, грабители – здесь уже побывал.

Исследователи вошли внутрь, и здесь их ждал приятный сюрприз. Погребальная камера находилась сразу за дверью; в гробнице не было переходов и дополнительных камер. Первым бросился в глаза деревянный саркофаг, разбитый и без крышки. В саркофаге обнаружили три гроба, вставленные один в другой. Крышки со всех трех гробов были сняты и валялись рядом

с саркофагом, словно их бросили в лихорадочной спешке. Мумия лежала в самом маленьком гробу, маска с лица была сорвана.

Мумия принадлежала «пожилому человеку эффектной наружности и царственного достоинства. Его тонкие черты и великолепно сохранившаяся голова вызвали в памяти образ Линкольна».

Так писал обозреватель, вошедший в камеру вместе с Дэвисом. С левой стороны от этого саркофага находился еще один. Его крышка тоже была сброшена; в позолоченном гробу лежала мумия женщины. «Ее лицо было безмятежным и выразительным, глаза широко расставлены, брови низко опущены, рот выглядел на удивление выразительным и чувственным».

Камера была битком набита изумительными вещами. Ларцы и мебель, прекрасно сохранившаяся колесница. На маленьких внутренних гробах сохранились позолота и орнамент из синего фаянса. Грабителям удалось прорыть вход в гробницу, но, по всей видимости, их спугнули до того, как они смогли нанести существенный ущерб. Ценнее всего оказалось то, что надписи на гробах и прочих предметах не были повреждены. Это позволило легко идентифицировать мумии. Они принадлежали Йуйе и Туйе, родителям царицы Ти.

При всем многообразии и красоте найденных в гробнице предметов, для темы нашей книги главный интерес представляют обе мумии. Я видела фотографии этих мумий; приведенное выше их описание достаточно справедливо, особенно если позволить себе некоторый полет фантазии. У меня, должна признаться, фантазии не хватает. Мне трудно, глядя на сморщенное лицо мумии, на твердую коричневую кожу, сжатые губы, впалые щеки, представить, что все это принадлежало первой даме древних Фив. Впрочем, кости головы, так сказать, основа красоты, позволяют все же сделать некоторые выводы. Брови у женщины, судя по всему, были округлыми и высокими, зубы ровными и белыми, лицо имело очаровательный овал. Но созданная в уме картина исчезает при взгляде на отталкивающее лицо мумии.

А вот мумия Йуйи, отца Ти, отталкивающего впечатления не производит. Даже наоборот. Йуйя, при жизни начальник отряда боевых колесниц (отсюда, возможно, колесница в его гробнице), был, по всей видимости, высоким человеком с волевыми чертами лица и сильно выдающимся крючковатым носом. Эллиот Смит, эксперт по мумиям данного периода, исследовав обе мумии, нашел, что череп Йуйи нехарактерен для Древнего Египта. Смит предположил, что Йуйя мог быть семитом. Что касается Туйи, его жены, то, по мнению Смита, она типичная египтянка того времени.

Я не знаю, был Йуйя семитом или нет. Некоторые египтологи считают его таковым – обычно ради того, чтобы подтвердить ту или иную теорию. Нет никаких указаний на то, что этот человек откуда-то переселился в Египет, – за исключением того факта, что его имя писали по-разному. Временами подобные разночтения появлялись, когда египтяне не были уверены, как написать какое-то иностранное имя правильно. Но я не считаю это достаточным доказательством. Если Йуйя действительно перебрался в Египет из какой-то другой страны, он должен был это сделать в совсем юном возрасте; для того чтобы подняться по бюрократической лестнице столь высоко, требовалось длительное время. Я не могу чем-либо опровергнуть или подтвердить мнение Смита. Во многих вопросах он показал себя выдающимся ученым, но порой чересчур увлекался собственными теориями, а не существует ничего более вредоносного для объективного исследования, чем «любимый конек».

Однако, хотя мы не знаем, был Йуйя семитом или египтянином, одно мы можем утверждать достаточно уверенно – из Нубии он не происходил. А если он не нубиец, а его жена типичная египтянка, нет никаких оснований приписывать нубийское происхождение их дочери.

4. НАРОД В РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

От египтян, какими они не были, перейдем к египтянам реальным. Мы обнаружим, что можем описать общие типы, даже не обращаясь к произведениям искусства. Ростом они были ниже нас: женщины примерно пяти футов, мужчины, как правило, не выше пяти футов пяти дюймов. И снова, как всегда, отметим особые случаи: так, Аменхотеп II был шести футов ростом. Кожа египтян имела коричневый оттенок; об этом может догадаться любой и без мумий, пробыв хотя бы недолгое время под нещадно палящим египетским солнцем. У тех египтян, чьи волосы еще не стали седыми, они обычно имели темный цвет – черный или темно-каштановый; они могли быть и прямыми, и волнистыми. В своей основной массе египтяне были народом некрупным. Описывая женщин, Смит часто упоминает маленькие изящные руки и ступни. Черты лица у большинства правильные, носы узкие, хотя у некоторых мумий можно обнаружить, как я бы назвала, нос «тутмосидов». Подобный нос был у Джорджа Вашингтона.

Антропологи различают два физических типа у населения Древнего Египта. Додинастические египтяне не были такими же, как народ Гизы Третьей и Четвертой династий. Самые ранние египтяне – изящные, невысокие, с маленькими тонкими лицами. Мужчины стройные, поскольку скелеты женщин и мужчин неразличимы – присущих современным мужчинам массивных костей скелета не обнаружено. Единственное исключение – народ Тазы, одной из очень ранних додинастических культур. У этих людей были квадратные головы, более массивные кости, более крепкие скелеты (слово «крепкий» не слишком подходит для описания скелетов, но именно его использовал один из землекопов, отсюда и пошло это определение).

Более позднее население плато Гизы напоминает тип людей из Тазы. Доктор Дерри, один из медиков-специалистов по Древнему Египту, утверждал, что этот тип также напоминает происходивший из Ливии правящий класс Двадцать первой династии.

Я не хочу углубляться в спор о двух различных расах, живших в Египте. Этот спор неразрывно связан с другими проблемами, к примеру, с тем, какая именно «раса» принесла в Египет его классическую культуру. Даже если согласиться, что в Египте жили люди разного физического типа, невозможно определить, какая из двух групп населения имеет исключительное право приписать себе монументальную архитектуру Египта, письменность, сложную социальную организацию. Более древний физический тип – невысокие додинастические египтяне с тонкими костями – могут быть отнесены к смуглому «средиземноморскому типу», к абиссинцам и сомалийцам. Мы можем дать им условное название «хамиты», хотя это слово больше подходит для обозначения группы языков, чем для описания народов (антропологическая терминология вполне может пересматриваться – за время существования антропологии в ней накопилось немало путаницы). Возможно, египтян более позднего времени можно отнести к семитам, имея при этом в виду, что определение «семитский» прежде всего относится к лингвистике. Лучше всего, однако, просто отметить, что среди египтян было два разных типа, хотя для современного человека они могли бы показаться одинаковыми: коричневая кожа, темные волосы, темные глаза. Ни одна группа людей никогда не была «чистой», если только не находилась в полной изоляции; если бы она стремилась к «чистоте», это бы означало этническое самоубийство из-за кровосмешения. Подобно всем нам, египтяне, по всей вероятности, были полукровками. На севере они могли быть арабами или иметь семитскую кровь; на юге могли быть сильны нубийские элементы.

Поэтому расовая дискриминация становилась нелепостью. Дискриминация, естественно, была, но не на основе цвета кожи. Как греки и многие другие народы, египтяне называли себя «люди». Другие народы не были людьми, но всего лишь варварами. Когда в каком-нибудь тексте упоминается Куш (Нубия), его всегда именуют «жалкий Куш». «Не беспокойся об азиатах, – говорит принц Тринадцатой династии своему сыну. – Они *всего лишь* азиаты». Позднее

на смену презрению к иноземцам пришел горький опыт. Некоторые из «всего лишь» азиатов вторглись в Египет и завоевали его; позднее им на смену пришел и некогда тихий, «жалкий» Куш. Потом настал черед греков, персов и римлян. Однако завоевания и оккупации не поколебали веру египтян в собственное превосходство. В этом они были ничем не хуже и не лучше нас; нам еще предстоит пройти долгий путь, пока мы обретем способность понимать, что величие принадлежит не нации, что его может заслужить лишь отдельный человек и что все люди – братья в своих слабостях и бренности, как и во многом другом.

Глава 2

Красная и Черная земля

Символы Верхнего и Нижнего Египта

1. ДВЕ СТРАНЫ

Мир, в котором появился наш египетский малыш, был довольно узок, особенно в физическом смысле — долина Нила имеет протяженность примерно шестьсот миль в длину и только десять миль в ширину. Во времена фараонов Египет состоял из долины Нила и треугольной дельты, где река разбивалась на несколько рукавов, впадающих в Средиземное море. Эти две части Египта отличались по своей физической географии, и потому египтяне всегда делили свою страну на два отличных друг от друга района. До Первой династии, когда Египет вступил на историческую сцену в качестве единого государства с единым царем, Дельта и Долина, по всей видимости, были отдельными царствами. Поскольку до нас не дошло письменных свидетельств той эпохи, о существовании додинастических царств мы можем догадываться лишь по косвенным источникам, причем эти сведения носят крайне отрывочный характер.

Цари Египта носили на голове две короны — в буквальном смысле слова. «Двойная корона» состояла из короны Верхнего Египта и короны Нижнего Египта. На двойственный характер этой монархии указывают и другие детали: две богини, Нехбет на юге и Бутто на севере, охраняли царя; его титул включал слова «Царь Верхнего и Нижнего Египта» и «Владыка Двух Земель». Мы можем продолжать, но этих свидетельств вполне достаточно, чтобы с уверенностью утверждать, что когда-то наряду с топографическим существовало и политическое разделение между Верхним и Нижним Египтом.

Египтяне называли свою землю «Две страны». Государство делилось на Верхний Египет и Нижний Египет, что в грубом приближении соответствовало Долине и Дельте (Нил нес свои воды с юга на север, так что Верхний Египет на современной карте находится ниже Нижнего Египта). Иногда в книгах встречается выражение «Средний Египет» по отношению к району между Кипром и Ассиутом, но такое разделение на три части возникло лишь недавно. По всей видимости, древние египтяне любили контрасты, они резко отделяли Верхний Египет от Нижнего, а Красную землю от Черной земли.

«Черной землей» был собственно Египет, и любой, кто посещал долину Нила, легко поймет, почему египтяне выбрали именно такое название — по сравнению с Красной землей пустыни. По обоим берегам Нила тянется полоса плодородной черной почвы, ежегодно удобряемой разливами реки. Черная земля кончается внезапно, словно палец божества провел границу, повелевая: на этой стороне — жизнь, зелень растущих хлебов; на другой стороне — смерть и бесплодие безжизненных песков. Бесплодные земли окружают долину на западе, востоке и севере и переходят в две огромные пустыни — Ливийскую и Аравийскую.

Египтяне ненавидели пустыню. Там обитали только жалкие бедуины, не знающие богов кочевники; любой попавший в пустыню видел лишь нестерпимую жару, голод и жажду. Тем не менее без Красной земли Египет не был бы Египтом, каким мы его знаем. Именно на бесплодных плато Красной земли египтяне добывали золото, из которого изготавливали предметы, вызывавшие зависть у владык других держав Ближнего Востока, и которое давало власть, приносимую богатством. В пустыне и на Синайском полуострове египтяне добывали медь – сырье для инструментов, нужных при строительстве пирамид, и для оружия – при его помощи были завоеваны Нубия и восточные соседи Египта. В песках, раскинувшихся за окаймляющими Черную землю скалами, египтяне построили храмы и гробницы, сохранившиеся до наших дней, чтобы поведать нам о великолепии и величии Египта. Плодородная черная почва, столь любимая египтянами, давала вещи недолговременные, а пустыня сохранила даже такие недолговечные предметы, как ткани и папирусы – и даже человеческую плоть. Древний Египет был продуктом как Черной земли, так и Красной земли, хотя народ Египта называл себя «кемит», то есть «черные».

Район Дельты полностью относился к Черной земле – плоской, покрытой зеленью и часто болотистой. А это значит, что мы можем узнать об этом районе намного меньше, чем о районе Долины. Подавляющее большинство предметов, выставленных в музеях, было обнаружено в Верхнем Египте; Дельта же представляет собой «белое пятно» в наших знаниях о египетской культуре, и «пятно» это требует, чтобы его заполнили, особенно сейчас, когда новая плотина поднимает уровень воды над древними городами Дельты, делая их недоступными для раскопок.

Многие из этих городов во времена фараонов играли очень важную роль. В западной части Дельты находилась древняя столица Буто, «место трона». Столица располагалась среди топей, и ее богиня, кобра, позднее стала одной из двух защитных сил, охранявших царя. К югу от Буто находился Саис с его священным озером, обителью богини Нейт. Дальше на восток, почти в центре Дельты, располагался Бусирис, где Осирис жил до того, как перебрался в Абидос в Верхнем Египте. Расположенный на юго-востоке от Бусириса Бубастис должен представлять интерес для всех любителей кошек, поскольку именно здесь находилось место поклонения Баст – богине с головой кошки. К северо-востоку от Бубастиса лежал Мендес, где почитали священного барана, а прямо на востоке от этого города располагался Танис, на равнине южнее озера Мензала. Этот город не был столь древним, как Саис или Буто, зато имел довольно интересную историю. Ученые до сих пор спорят, был ли Танис Аварисом, крепостью захватчиков-гиксосов, и Пи-Рамсесом, где подневольные древние евреи возводили для своих поработителей город-сокровищницу.

В поздний период египетской истории Танис стал столицей; именно в этом городе французская экспедиция под руководством Пьера Монте обнаружила весьма важные царские гробницы. В окрестностях города цари-рамессиды воздвигли дворцы и здания для разного рода удовольствий. Одним из источников этих удовольствий, без сомнения, были прекрасные вина с окружающих Танис виноградников, а также из Инета, расположенного к югу от Таниса.

Северо-восточная часть Дельты была в древние времена хорошо известна своими винами. Там были прекрасные пастбища для принадлежавших царю и храмам огромных стад. Однако большую часть этого района, по всей вероятности, занимали обычные болота, на которых росли высокие, более чем рост человека, папирус и тростник. Тростник служил хорошим укрытием для гусей и уток, а также для прочей дичи, включая ибисов и цапель. Возможно, в те времена в Дельте водились и гиппопотамы, хотя в наше время этих животных там уже нет. Города и села Дельты чаще всего возводились на возвышенностях – как на природных холмах, так и на созданных человеком. Сейчас Нил имеет в Дельте два главных русла – Дамьеттское и Розеттское. Во времена Геродота существовало не меньше семи устьев, между ними были протоки, каналы и озера.

Жаль, что мы не знаем о Дельте больше – о ее прекрасных дворцах и храмах, о ее прославленных многими виноградниках, о ее стадах, дичи и полях. Нам приходится довольствоваться взглядом с высоты птичьего полета. Попытаемся компенсировать скудость дошедших до нас сведений о Дельте более подробным изучением того, что дошло до нас о Верхнем Египте. Для того чтобы ближе узнать этот район, нам лучше всего подняться на борт корабля. Сейчас это самый приятный способ осмотреть Египет; в древние же времена это был способ единственный. Мы отплывем в свое воображаемое путешествие приятным летним утром, перед самым рассветом, на пятьдесят первом году правления Владыки Двух Земель Усермаатра Сетепенра Рамсеса Мериамона, которого последующие поколения будут называть более удобным именем Рамсес II. Мы получили разрешение царя на участие в поездке, а такое разрешение обязательно, поскольку корабль и его груз принадлежит царю, как почти все в Египте – зерно, храмы, животные и люди. Это путешествие не носит торговый характер и совершается не ради выгоды. Судно доставляет вино с королевских виноградников в Египте в храм бога Хнума в Элефантине жрецам, которые, возможно, будут рады вину больше самого бога. Во время пути корабль должен сделать несколько остановок, чтобы выгрузить кувшины с вином в особо любимых царем городах.

Когда мы, зевая, опираемся на поручень, чтобы бросить взгляд на очертания пирамид Гизы, небо уже приобрело светло-голубой цвет. Паруса над нашими головами натянулись и стали тугими; суда, идущие в Мемфис, могут воспользоваться течением – нам же приходится полагаться только на северный ветер. К счастью, ветер почти всегда дует именно в нужном направлении, и мы набираем скорость, быстро оставляя позади Мемфис – Белую стену, первую столицу объединенного Египта, которая стоит на границе Двух Земель еще со времен Менеса-объединителя. Вдали мы можем увидеть колонны входа в храм Птаха, возвышающиеся высоко над зелеными вершинами пальм и тамариска, делающих храм еще прекраснее.

Небо уже совсем просветлело, и вот наконец сияющий диск солнца, Ра-Харахте, поднимается на соколиных крыльях из-за линии горизонта. Его лучи заливают светом громаду ступенчатой пирамиды, расположенной у старого кладбища в Саккара. За рекой, слева от нас, видны на бледно-золотистых скалах черные провалы каменоломни в Масара, где добывают известняк. Именно отсюда прибыли камни, которыми были облицованы – чтобы сделать поверхность ровной – грани пирамиды в Гизе. С тех пор многие фараоны брали здесь известняковые плиты для своих гробниц и храмов.

Когда мы проплываем мимо пирамид в Дашуре, солнце уже поднялось высоко; склоны пирамид под прямыми лучами кажутся золотыми. Дальше по реке будет Лишт – как его назовут много позже – с большим числом пирамид, небольших по размерам, уже обвалившихся. В Медуме мы видим последнюю из больших пирамид-гробниц Древнего царства. Во время нашего путешествия она еще выглядит как пирамида, но это продлится не долго. Скоро с нее начнут заимствовать камень, и к 1960 году она будет выглядеть как высокая квадратная башня.

Около Медума нам придется остановиться и привязать корабль на ночь. Ничто на свете – кроме угрозы жизни монарха или собственной матери – не заставит капитана плыть во тьме. Во-первых, в водах реки слишком много песчаных отмелей. Во-вторых, в ночи бродят духи. Некоторые из них несут смерть – «те, чьи лица обращены назад». Возможно, во тьме бродит и еще кое-кто.

Капитан пригласил нас отужинать с ним на палубе. Здесь довольно приятно, прохладный ночной бриз слегка дует в лицо; высоко в небе мерцает звезда. Капитан просит извинения за угощение – незамысловатую пищу моряков, – однако мы находим ее более чем аппетитной. Жареная утка, лук, редиска, свежий печеный хлеб из деревни, где мы стали на якорь, финики, абрикосы и фиги. И – не может быть! – вино из Инета!

Капитан удивлен и слегка уязвлен, когда мы спрашиваем о вине, хотя мы и делаем это очень тактично. Да, это вино из Инета. Но никто не ждет, что капитан проделает 600 миль с

самым настоящим нектаром на борту и не попробует его. Он пожимает плечами – жест, который, должно быть, появился на свет вместе с человеческим родом. Немного вина всегда можно взять, это знают все, это обычай. Он – честный человек; он не продаст ни кварталы груза на сторону, чтобы поделить прибыль с писцом, который должен рассчитать расходы царя к концу путешествия. Такими вещами он не занимается! Да это и не обязательно, поскольку Усерматра (да живет он и процветает и пребывает в полном здравии!) не спускает проделки такого рода. В прошлом, помнит капитан, такие вещи еще сходили с рук. Старые добрые времена... Но ради одного-двух кувшинов никто шума поднимать не станет. Это превосходное вино, не так ли?

Мы соглашаемся и опустошаем еще одну кружку, с чувством уверенности, что если кто-то и пострадает за исчезновение вина, то не мы.

На следующий день мы входим в Файюм. Если бы мы могли видеть дальше – а из-за пальм нам видно мало, – перед нами открылись бы широкие озера, окруженные зелеными полями, храмами, городами и дворцами. Самое удивительное сооружение Файюма – Лабиринт, как его назовет грек Страбон через тысячу лет после времени нашего путешествия. Капитану это сооружение известно как храм Аменемхета, древнего царя; он состоит из двух тысяч комнат, выбитых в каменном монолите. Файюм – это большой оазис, соединяющийся с Нилом каналом, который будет назван Бахр-Йусуф, или канал Иосифа, – в память о человеке и о событиях, оставивших след в Библии. Однако в египетских письменных источниках и то и другое не отмечено. Потому ли, что Иосифа никогда не было и он обязан своим появлением поэтическому воображению древних евреев, или потому, что египтяне предпочитали не замечать чужеземцев и варваров в своей среде? Если верно последнее, то вполне возможно, что потомки Иосифа до сих пор трудятся в топях Дельты, стараясь после работы набрать немного соломы для своих хижин. Может быть, пока мы плывем по реке, Моисей прокладывает путь идущим за ним людям, а жрецы царского двора в Танисе видят странное предзнаменование во время своих жертвоприношений. Но... все это наши фантазии. Если мы находимся на этом корабле, на пятьдесят первом году жизни Рамсеса, мы способны разузнать, как все происходило на самом деле. Если бы дьявол предложил какому-нибудь египтологу возможность совершить подобное путешествие в обмен на его душу, на такой обмен тот согласился бы наверняка.

Находясь уже в ста восьмидесяти милях к югу от Мемфиса, мы поворачиваем в доки Бени-Хасана, чтобы оставить здесь несколько кувшинов с вином. Это наша первая большая остановка. Местный принц любит вино из Дельты, к тому же он – близкий друг царя. Во время битвы при Кадеше он опустошил с царем не один кувшин. Город расположен на восточном берегу; выше города, в скалах, находятся гробницы, которые считаются древними уже в то время, о котором идет речь. Археологам будущих поколений эти гробницы подарят немало радостных открытий. Принца во дворце сейчас нет – он отправился на охоту в пустыню, так что нас не пригласят на обед. Капитан хочет побыстрее продолжить путь, а потому, как только носильщики принца завершают переноску кувшинов, он приказывает вновь поднять паруса. На следующий день, проходя по реке, мы видим, что скалы на восточном берегу уступили место плодородной долине. Команда собирается у борта, оглядывая берег; моряки негромко переговариваются и касаются пальцами амулетов, что висят на их шеях. Но смотреть здесь особо нечего – только разрушенные стены и груды камней. Когда-то здесь располагался большой город, владения самого большого еретика Древнего Египта, отвергавшего самого главного из богов. Он получил то, что заслужил, этот преступник Эхнатон. Сейчас запрещено даже произносить его имя.

Когда корабль миновал Ахетатон, который в наши дни известен под названием Телль-эль-Амарна, мы замечаем общее напряженное состояние. Капитан выходит из своего укрытия и становится на носу, внимательно обозревая реку. За весла садятся все моряки. Затем мы видим, что на восточном берегу вновь вырастают скалы. Они образуют наклонную каменную

стену; из бесчисленных трещин в скале вылетают стаи птиц, с криками носящихся в воздухе. Это место – одно из самых опасных на реке, здесь порыв ветра, дующего со скал, вполне может бросить судно на песчаную отмель. Вот и сейчас весла под водой натываются на песок. Немедленно следуют энергичные команды, и гребцы проскакивают скалы, минуя отмель буквально в нескольких дюймах. Но предстоит пройти еще двадцать миль опасного участка, и, когда мы наконец минуем узкие места у Гебель-Абу-Феды (это название капитан, разумеется, никогда не слышал), мы думаем только об остановке. Капитан испытывал судьбу, проходя опасный участок так поздно – как только мы бросили якоря и приготовили вечернюю трапезу, опустились сумерки.

На следующий день мы уже в восьмидесяти милях от Бени-Хасана и в двустах пятидесяти от Мемфиса и медленно приближаемся к Ассиуту. Путешествие длится уже более десяти дней, а мы не прошли еще и половины пути до Элефантины. Ассиут – большой город, его правители некогда были близки к тому, чтобы стать царями Египта, а принц Ассиута и до сих пор один из влиятельных вельмож. Если до заката мы доберемся до города, нам следует найти время, чтобы посетить находящиеся в скалах гробницы предков этого вельможи.

Финиковые пальмы и сикоморы, гранаты и персики, поля пшеницы и льна – этот плодородный район мы минуем, оставляя за кормой Ассиут. Через две недели после отплытия из Ассиута мы достигаем священного города Абидос. Здесь был погребен сам Осирис. Пристани Абидоса забиты судами. Среди них – несколько барж с камнем для воздвигаемого в городе великого храма Рамсеса; однако большинство кораблей занято паломниками, направляющимися к месту поклонения Осирису. Погребальный корабль со стоящим на палубе позолоченным ящиком для мумии проходит прямо перед носом нашего корабля, и капитан, забыв обо всяком почтении к усопшим, обрушивает поток ругательств на потных матросов. Затем он отступает в сторону и произносит молитву или две, обращенные к Великому Храму. Однажды и ему придется отправиться в такое путешествие, на судне, похожем на то, на котором когда-то плыл Осирис – конечно, если к этому сроку удастся собрать достаточно денег на подобное путешествие.

Когда мы достигаем Ху (который греки назовут Диосполис Парва), матросы начинают переговариваться громче, чем обычно. Нас несет быстрая протока, и им приходится сидеть на веслах не только в местах сужения реки, но и на многочисленных поворотах. И здесь же начинается большой изгиб реки, уводящий Нил на протяжении тридцати миль почти строго на восток, после чего река снова меняет направление, чтобы еще тридцать миль течь на запад.

Последний город в нашем путешествии на восток – Дендера, в нем находится храм Хатор. В XX веке н. э. многие готовы проделать огромный путь, чтобы посетить храм в Дендере, но они увидят лишь некрасивую, более позднюю версию того чуда, что открывается взору плывущих на нашем корабле. Мы видим гробницу, воздвигнутую великим полководцем Восемнадцатой династии по плану, сохранившемуся еще со времен Хуфу.

Чтобы благополучно миновать города Коптос, Кус и Нагада, гребцам приходится изрядно потрудиться. Затем – поворот на запад, после которого перед носом корабля начали расти обелиски и пилоны Фив, алые в свете золотого солнца. Столица царя Египта в это время находилась в Танисе, но для погребения монархов по-прежнему привозят сюда, в бывшую столицу царей-богов – в «стовратные Фивы», с их огромными храмами – Карнаком и Луксором. Проплыв немного дальше, мы можем видеть оба храма; перед ярко раскрашенными пилонами трепещут под утренним бризом алые знамена, древки знамен венчают золотые верхушки. Когда мы приближаемся к докам на восточном берегу Нила, перед нами открывается панорама Западных Фив, «города мертвых». Мы видим каменные фигуры, сидящие перед красивым погребальным храмом Аменхотепа III. За этим храмом стоит храм правящего ныне Рамсеса, еще недостроенный и выглядящий удивительно новым на фоне изъеденных непогодой скал. Однако и недостроенный, он смотрится неплохо, даже по сравнению с другими богатыми хра-

мами, что выстроились в ряд вдоль скал на западном берегу. Одно из этих чудес приковывает взгляд – храм с изгибающимся рядом колонн и с наклонными скатами; террасы этого храма зеленеют деревьями. Как говорит нам капитан, этот храм посвящен Амону, Хатор и царям-тутмосидам; и он должен это знать, он много путешествует и посетил немало храмов. Мы вежливо киваем – но мы, прибывшие из другого времени и другой страны, знаем все же больше, чем капитан, живущий во времена Рамсеса Усермаатра. Этот храм принадлежит Хатшепсут, той женщине, что дерзнула занять царский трон. Ее имя не упоминают в списках царей, ее картуши и ее изображения на стенах храма счищены или замазаны. В будущем археологам потребуется немало времени, чтобы вернуть память о ней.

До наступления сумерек еще несколько часов, но капитан принимает решение остановиться в Фивах до завтрашнего утра. Он снисходительно относится к своей команде и потому разрешает морякам отправиться на берег. Мы решаем тоже воспользоваться предоставившейся возможностью и отправляемся засвидетельствовать наше почтение Амону: баран, которого моряки ведут с собой, возможно, предназначается для вечерней службы в святилище Амона. После религиозной церемонии можно осмотреть достопримечательности. Мы просто обязаны увидеть ночную жизнь этого великого города далекого прошлого. У нас нет времени, чтобы осмотреть гробницы на западном берегу, – даже если бы нам позволили это сделать. Долина Царей охраняется, и потому все, что мы можем увидеть, – это каменная стена из покрытых трещинами скал. Посетителей здесь явно не жалуют – даже туристов.

К несчастью, матросы проявили не меньший интерес к ночной жизни, хотя и не с чисто исторической точки зрения. Наутро вид у них сонный, а двое матросов вообще не явились на борт. Капитан посылает проклятия их предкам, нанимает двух новых матросов, из тех, что слоняются без работы возле пристани, и мы снова отправляемся в путь, лишь на час отставая от нашего расписания.

Матросам приходится десять—пятнадцать миль работать веслами, но мы – отдыхающие туристы – можем облокотиться на поручни и полюбоваться на уходящие вдаль обелиски Карнака. Колоссы Аменхотепа III исчезают из виду последними. Скоро мы минуем Хермонтис, расположенный на той же равнине, что и Фивы. Здесь жил Монту, бог войны. Затем мы поворачиваем и движемся на юг, подгоняемые довольно сильным бризом. После тяжелой многодневной гребли кажется, что корабль летит. Всего через два дня после выхода из Фив мы минуем два города на противоположных сторонах реки – Эль-Каб с остатками древней стены и Иераконполис. Немного дальше располагается Идфу, одно из святилищ Гора. Как и в Дендере, мы видим с корабля совсем другой храм, чем стоящий ныне на этом месте храм Птолемеев, который каждый год привлекает к себе тучи туристов; перед нашими глазами – оригинал, спланированный самим великим Имхотепом, тем самым, что воздвиг Ступенчатую пирамиду. К его плану бережно относились все жившие после него цари.

Проходит еще два дня, и мы приближаемся к Сильсиле, городу, посвященному Собеку, богу-крокодилу. В этих местах есть серьезные основания относиться уважительно к крокодилам. Известняковое плато северной части Египта здесь меняется на плато из песчаника, а это значит, что в реке появляются песчаные отмели, подводные скалы и водовороты. Река становится опасной. Немало судов в этих местах разбилось или село на мель – и потому молитва Собеку не будет лишней. Но, вглядываясь в воду, мы не видим ни одного крокодила; их в последнее время стало совсем мало. Но, как угрюмо замечает капитан, обычно крокодила не замечают до тех пор, пока не становится слишком поздно.

Еще один небольшой поворот, и мы видим группу островов возле Ком-Омбо, который станет через несколько тысяч лет одним из любимейших туристами мест. После островов река двадцать пять миль идет прямо, пока не доходит до Элефантины. В конце нашего путешествия пейзаж особенно красив. Прямо впереди виден остров Элефантина; на нем высится окру-

женный несколькими домами храм. Холмы из известняка чередуются с гранитными скалами, обломки массивных глыб видны и над поверхностью речных вод.

На острове стоит дом принца – его земной дом. «Дворец Вечности» для него воздвигается на севере Египта, так что принц будет лежать неподалеку от своего царственного владыки. На острове есть и другие гробницы, высоко в скалах на дальней от нас западной его оконечности; при солнечном свете мы видим их черные прямоугольные входные отверстия, пробитые прямо в скале. Если мы пожелаем, то можем подняться по скалам и войти внутрь. «Дворцы Вечности» пусты. Возможно, принц Элефантины, который также является и везиром Куша, достаточно рассудителен, чтобы выбрать место для своей гробницы в столице, где кладбища охраняются от воров. Его предшественники, владельцы пустых гробниц, не заботились об охране, поскольку не привыкли думать о своей защите. Исследователи и искатели приключений, они отправлялись в загробный мир так же, как некогда в дикие джунгли внутренней Африки, – в одиночку, никем не изведанным путем. Если мы захотим, то сможем прочесть описание их подвигов – оно высечено на стенах их гробниц. Некоторые слова звучат немного странно, они устарели, но любой грамотный человек может их прочесть. На Элефантине многое стоит осмотреть: гранитные каменоломни и два туннеля, сквозь которые проходят воды Нила. К югу, на острове Сехел, находится «ниломер», который измеряет высоту уровня воды, что весьма важно для благосостояния всей страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.